

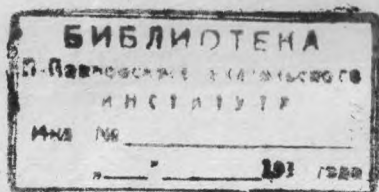
АБАЙ
КУНАНБАЕВ

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННОЕ

~ 27814
22/80-2
К
ПЕТРОВСКИЙ
УЧЕБНЫЙ ИНСТИТУТ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата — 1951

ПОСЛАНІЕ КЪ ЛЮДОУ

Эй, ты Жаксылык, — хоть себя пожалей!
На многих хватило бы дури твоей!
Берёшь ты из бедности деньги займы?
Но займы как раз и приводят-то к ней!

1889

ВОИНСКО-ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

Проверено

90

Про

84 г.

ОХОТА С БЕРКУТОМ

Ловчий с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в дороге: хороший конь,
Да сговорчивый спутник, забывший страх,
Да лисы осторожный обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

Всадник с беркутом скачет во весь опор:
Направление следа заметил взор.
Он сорвёт кlobушок у беркута с глаз, —
Беркут машет крылами, глядит в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдёт лиса!» —
Так подумав, он взмлет к вершинам гор.

«Не спасёт меня бегство», — лиса поймет.
Остановится вдруг и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх.
Кто у хитрой без боя душу возьмёт?
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков!
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков,
Зашумит он крылами и засвистит,
И стремглав понесётся из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Тот — небесный дикарь, та — дикарь земной.
Захотел человек, и вот дикари
Бьются насмерть... А снег слепительно бел,
Чёрен беркут, лисица красна... Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом!
Эта битва напомнить тебе должна

Жениха и невесты первую ночь, —
На постели им тесно. Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул её под себя.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
Шестьдесят две хитрости лисьи разбив,
Победители стать на отдых непрочь!

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Дай ещё нам, о бóже, три косяка!».
Сердце твоё довольством тогда полно,
Ты за губу кладёшь шепот табака.
Если в горах лисиц, что ягод в лесу, —
Станет воистину жизнь твоя сладка.

Горькие думы исчезнут без следа,
Если на ловлю ты приедешь сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
С беркутом я бы охотился всегда!
У кого пронизательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймёт без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова,
Но возникнет образ в сознании твоём,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймёт,
Тот, в чьём сердце прелесть охоты жива.

* * *

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан.
Он глазами лучистыми осиян.
Словно вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос её — словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет её щек румян?
Ожерельем жемчужных её зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий её — как дробь соловья.
В мудрой речи её не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в её подбородке сыщет изъян?

Безошибочен выгиб точеных плеч.
От гранатных грудей исходит дурман.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан!

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть — нежный младенец, что всеми ждан, —
А смолистые косы — волнистый шёлк,
Что для радости взора прилежно ткан!

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Столь доступны красавицы наших дней,
Что годам к восемнадцати жёлт и вял
И затискан гранатный налив грудей.

Лицемерны личины иных блудниц:
Добродетельней нет, мол, и нет святей...
Но немало таких, что всем напоказ
Шеголяют распущенностью своей.

Знаем скромниц мы этих, забывших счёт
Удальцам, что недолго ждут у дверей.
Попадётся ль бесстыжий, грубый хвастун, —
И таких принимают девы гостей.

Хоть таким не сойти за честных людей.
Хоть такие к безделью всего склонней.
Хоть иной разглагольствующий джигит
Не дороже хвастливых своих речей.

1884

* * *

С юных лет мне чужд был знанья свет благой.
Видя благо в нём, я шел стезёй другой.
Возмужал — наука из-под рук ушла.
Поздно к ней ты устремился, разум мой!
Кто повинен в том, что я теперь ни с чем?
Знанием овладев, я стал бы весь иной.
Из людских отрад одну зовут: дитя.
Обучение детей — наш долг прямой.
Сына отдал в медресе — «Расстанься с тьмой!» —
Не затем, чтоб сын мой нажил чин большой.
Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии сравнился ль кто со мной?
Но такого нет, кто б оценил мой труд.
И давно я предпочёл всему — покой.

1885

* * *

Вот и старость — скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распалён,
Мыслью не с кем поделиться старику,
Стал далёк и непонятен людям он.

Жить на свете лишь однажды суждено,
Дням минувшим воротиться не дано,
Радость где-то остаётся позади.
Божество неизменяемо одно.

Трезвым будь, учись владеть собой,
Лишь бездарный уживается с судьбой:
Нет в нём жара, мысли немощны его,
Прозябает он в покорности тупой.

Отвратителен лентяям честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
И нечестных жребий — гибель и позор,
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
По аулам праздно шляется иной.
В шутовстве не стыдно ль время коротать!

Чужд невежде разум, ясный и простой,
Он скорей пленится выдумкой худой.
Ведь не всяк способен правду оценить,—
Верит глупый небылице лишь одной.

Бредит дурень — о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращением относится к словам
Аксакала, знающего обо всём.

Мудрый взором проникает в глубь вещей,
Расшепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа, превозносит он народ,
Ближних губит и над ними слёзы льет,
Если повезёт кому хоть раз,
Говорит он: господа, любимец — вот!

Тяжким бедствиям народным рад шайтан,
Безутешной скорбью ангел обуян;
«Виноват» — не скажет подлый, но скорей
К дьяволу переметнётся в стан.

Хитрым мнит себя из подлецов любой,
По углам таятся, шепчут меж собой.
Разве злом добиться можно торжества?
Не себя ль толкают к яме роковой?

Всякий ли народом управлять рождён?
Зло с добром сравнять сумеет чей закон?
Волостным всё норовит безмозглый стать, —
Под конец, как пёс, поруган будет он.

1886

* * *

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду — зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берёт, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пушу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец.
В вымогательстве рвач помогает рвачу.

Друг берёт, говоря: «Ты не дашь — я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Отойду — не разыщешь, след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

А хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, — знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме — поживиться бараном..
Как подумаешь, кругом идёт голова!

Что ж, барашка зарежь, угошай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдёж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг и родня».

Кто изменит, — встречаясь, не склонен краснеть,
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву — будет сытная снесь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай, кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Растопчу! Истреблю!»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекишь — огрызнется: «Я в ссоре с тобой».
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предаёт, брата старшего — брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи — и злость в их сердцах.
Строят козни друг другу, темно в их глазах,
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянётся и лжёт,
Кто за золото душу и честь продаёт,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почёт,—
Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предаёт.

1886

* * *

О казахи мои, мой бедный народ!
Жёстким усом небритым прикрыл ты рот.
Зло — на левой щеке, на правой — добро...
Где же правда? Твой разум не разберёт!

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?
Ты не внемлешь добрым советам чужих,
Режет всех без разбора твой серп-язык!

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днём,
Добродушен, сердит, заносчив, труслив,
Постоянен в непостоянстве одном.

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?
Не справишься ты, покуда чужой
Над тобой правленья бразды не возьмёт.

Если зову чести не будешь внимать,
Отвернётся от сына отчизна-мать.
Всё добро свое по ветру ты пустил,
И уже степных табунов не поймать.

Нет единства, порядка, везде разлад.
Зависть, алчность владеть тобою хотят.
Исцели себя от недугов таких,
А не то унижен будешь стократ.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?

Если стойкости нет, если твёрдости нет,
Разве можешь ты быть довольным собой?
Если кто-либо верный укажет путь, —
Ты его клеймишь неразумной хулой

1886

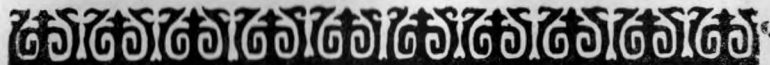

* * *

Бай живёт и охраняет свой скот,
Даст десять голов — сотню убережёт;
А тот, кто получит десять голов,
Еще девяносто в придачу урвёт.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьёт воды Иртыша,
Донесёт (пред ложью правда молчит)
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Карманы у всех от долгов худы,
Хитрецом и сутягой хотят прослыть,
Аллах не спасёт их от злой беды.
Кто молчит, — говорят — «испугался он»
И ходатаев шлёт обмануть закон.
В наш век у богатых сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
При себе они держат злого пса.

1886

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг, и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиной горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе,
Споткнёшься — покинет в неверной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он», —
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы — вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи.
Всё спрятавши, прячутся сами в ночи:
Там стадо угнали, ограбили тут —
В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон,
К злодеям, к ворам снисходителен он. —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внимлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе ж изменяют в твоём же дому!

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,

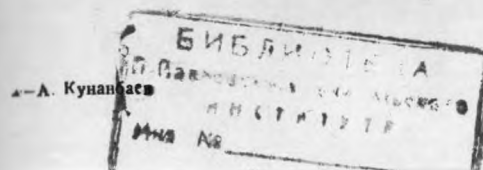
И всем безразличен распад и разлом.
Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима,
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам!

К заслугам, к летам — уважения нет.
Презренное вылезло гордо на свет
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет!

1886

24814
22/80

* * *

Тот, кто заблудился, видит впереди простор пустой.
Он всегда к словам нечестным падок и перед толпой
Всё кичится, как богач, который сыт своим добром,
И нечистые дела творит он с лёгкою душой.

И чапан сидит суконный, словно вылитый, на нём,
И шагает он вразвалку, низко стянут кушаком,
Малахай свой загибает кверху он для красоты,
До тех пор, покуда пышный не облезет мех кругом.

Никогда не мнется летом шапка белая его,
Палка у него в руках не просто палка — волшебство.
В остов юрты палку сунув и повесив шапку, он
Нагло на стороны смотрит и не видит ничего.

Без труда узнать пройдоху по истёршимся штанам,
Складки на коленях тщится пальцем он разглядить сам.
Много времени имеет он, как пленник, что всегда

Знает лишь одно занятие — облежаться по часам.

Он сизмальства всем ровесник; балагурия, бродит он,
И хохочет, и гогочет без причины возбуждён;
Чуть заговорит — ужимок отвратительных не счесть;
Хмурит бровь, глядит надменно — до чего в себя влюб-
лён!

Много есть у нас в народе праздных и пустых таких.
Что хозяйство им, что совесть? Только блеск пленяет их.
Всё занятие их в бахвальстве, в бесполезной суете,
Не подумают о том, чтоб воспитать себя самих.

О скоте своём нимало не заботятся они,
Честного труда не зная, носятся за днями дни
На конях на запотевших по аулам взад-вперед,
Ухмыляются довольно, мельком лишь на них взгляни.

1886

* * *

Только юность одна — жизни счастливой цвет,
Но не надейся, что ты так и не будешь сед.
В юности только мы веселы и бодры,
Старость придёт — и вдруг увидишь, что счастья нет.

В юности дело нам: весело распевать,
Острым словом своим, шуткою задевать,
Гордо в аулах ходить, нежно к девушкам лнуть, —
Лучшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтёт —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Влюбчивым может быть жалкий лишь сумасброд.

Часто не о скоте думает молодежь.
Если только забава — и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Нет к науке путей — и честный труд хорош.

Пиршество где-нибудь — ты пышный берешь наряд.
На удалом коне прогарцовать ты рад.
Но похудеет конь, минет скоро почёт.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд.

Сдержанность — вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Как увлекаться нам смехом, таким пустым!
Пусть же будет твоя воля всегда пряма.

Как ни велик твой пыл — не отдавайся ему.
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму —
Будешь скитаться ты, хлеб выпрашивать свой,
Беспечность твоя вовек не приведет ни к чему.

Часто до гроба нас уродует щегольство,
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Вором может стать, нищим в лохмотьях — тот,
Кто не может трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил вас с юных лет отец,
Родичей нет, чтоб ум занял у них молодец;
Жаль годов молодых, ушедших на щегольство—
Уж не придется ль тебе раскаяться наконец?

Оношей уже нет, кто бы меня понимал,
И от напрасных надежд каждый смертельно устал;
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Скромные эти слова я для других написал.

1886

ДЖИГИТАМ

Джигиты, ценен смех — не шутовство,
Различны внешний вид и естество,
Но если кто-то искренно смеется,
Будь откровенен с ним, люби его.

Один не слушает — такой не в счет,
Другой внимателен — тебя поймет,
А третий все по-своему воспримет,
Чтоб все истолковать наоборот.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но, верен слову, стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснемся к ним водой.

К порывам юные сердца зову,
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив в своих поступках,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной, —
И все дурные чувства замолчат!

Собравшимся я дам один совет:
Не пререкайтесь в мирный час бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас в избытке нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам.
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать.
На бабнике — бесчестия печать.
Джигит разборчив — не кобель, какому
Любая сука с улицы подстать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.
Не обольщайся женщиной красивой,
Узнай, характер у нее какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег.
Кто, тешась новизной, проводит век,
Кому лицо подруги верной скучно, —
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биению сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять перед мною?» —
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел!
Кто гордым сердце пронести сумел.
А от неряхи, бабника, гупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной, —
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она, —
Свежа, гибка, подобно стеблю розы,
В ее дыханье счастье и весна.

Богатством байской дочки не прельстись
И тем, что мал калым, не соблазнить,
Но если это дочь людей хороших, —
Не будь глупцом, не упускай — женись.

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пусть жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К познанию рвенье оценить умей.

Сегодня друг, он завтра недруг твой,
Изменник с низкой, черною душой.
Где ты, неиссякающая дружба,
В которой нет корысти никакой?!

О выгоде радеет молодежь.
Прославиться трудом ей нестерпим.
И смех ее дешевый — зубоскальство.
Сродни ей жадность, и корысть, и ложь

Плутуют молодые пошляки.
Им низкое торгашество с руки.
Повсюду склоки, драки и скандалы.
Друг друга предадут за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но всё-таки в конце игры повздорят,
И тут начнется потасовка, бой.

Когда ж малыш придет домой побит,
Отец его бранит, и мать бранит.
И старики на малышей похожи...
Не следует им подражать джигит!

Тот, кто копает яму для друзей,
И сам окажется, конечно, в ней.
Но, благородному доверясь другу,
Все замыслы бесчестные развеи!

Пока у многих — узкий кругозор,
Не развит ум и темен до сих пор.
Не видят завтра, злоба дня — удел их,
Чуть что — обида, тяжба и позор.

* * *

Создатель, сжался надо мной, услышь мою мольбу!
Пути к спасенью укажи, реши мою судьбу.

Меня за горло враг схватил, в тисках томится грудь.
И слова молвить не дает и воздухом вздохнуть.

Аргына честный род внимал моим словам не раз
В Наймане слушали всегда отцовский мой наказ.

Мне горько даром расточать бессмертные слова, —
У тобыктинцев нет ума, — пуста их голова.

Мой разум ценят ни во что, смеются надо мной,
Полушку медную сулят за слиток золотой.

За драгоценную парчу, серебряную вязь
Дают бухарское гнилье, суют за бархат бязь¹.

Настанет время, узел лжи разрубит грозный меч,
Падёт пустая голова тогда с надменных плеч.

Приблизь, создатель, день суда, все дни — твои рабы.
Несправедливость уничтожь. Спаси от злой судьбы.

Настигнет нечестивцев месть, от кары не уйдут.
Возмездье скорое грядёт, свершится правый суд.

1886

¹ Бязь — материал, идущий на саван, служит символом смерти.

ЛЕТО

Лето — солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра;
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней в траве,
Как в лесу, их найдешь не вдруг,
Тяжко дышащих кобылиц
В стойло, в воду загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь, вокруг;
Стан уток и лебедей
Осеньют крылами луг...
Ставят девушки юрты; смех
На лукавых губах подруг,
Чётких, плавных движений ритм,
И мелькание белых рук...
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул, —
Аргамак его резв и сух
Гости в юрту его сошлись,
Бьёт ключом из сабы кумыс.
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух
И, наученный пастухом,
Мальчуган осаждает мать,
Просит лакомства, врет за двух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры;
Над его самоваром — пар,

Словно облачка белый пух.
 Бай кивком одобряет речь,
 Говорить не желая вслух;
 Но кивку его, лебезя,
 Вмиг поддакивает весь круг.
 С палкой, в белой рубашке, сед
 Аксакал издали спешит.
 Он кричит: «Поверни стада!
 Сторонись, не пыли, пастух!»
 Может, баю придёт каприз
 Пригласить к себе на кумыс
 Раболепнейшего из слуг.
 Вот табунщики на лихих
 Необъезженных вороных:
 Утром сели они в седло,
 А теперь уже день потух.
 Вот охотники вдоль реки
 По вечерним лугам спешат,
 С каждым — сокол, как верный друг.
 Ловкий хищник уходит ввысь.
 И разит, — и седых гусей
 Гонит вдаль от него испуг...
 ...Аксакала томит недуг,
 Жизнь прошла, не вернешь назад;
 Байским шуткам издалека
 Вторит старческим смехом он...
 Только бай к его смеху глух...

1886

В ИНТЕРНАТЕ

Наших множество детей
 Принимают в интернат.
 Словно пальцы на руке,
 Меж собой они дружат.
 Их родители горды:
 «Сын мой ведает закон».
 Да о жизни, на беду,
 Ничего не знает он.
 Все стремление его
 Русский выучить язык.
 В составлении разных просьб
 Упражняться он привык.
 Не поймет добра и зла
 Тот, чей разум не глубок.
 Ждёт он: час народных бед
 Жирный даст ему кусок.
 Без дерзаний и труда
 Он наук не залучит.
 Коль он неучем уйдет
 И с народом захитрит,
 В нём отыщется ли прок?
 Русские дают совет
 Детям правильный всегда.
 В наших детях правды нет, —
 Сами тяготеют к злу,
 Русских же винят потом
 Понапрасну. Виноват
 Иль Семипалатинск в том,
 Иль обычаи степей.
 Для немногих только есть
 И Толстой и Салтыков.
 Кто добыть хотел бы честь
 Стать юристом, толмачом, —
 Мысли мелкие у них.
 Нет, меня не укорит
 Мудрый за мой резкий стих!

Здравомыслящий, скажи,
От кого же прозвучат
Нам советы, если их
Не подаст нам старший брат?
Не барыш люби, а честь.
К знанию большему стремись.
В книгах всей науки ширь, —
Так читай же, не ленись.
И не льстись военным быть,
С золотой ходить каймой.
Хвастовство пустое брось,
Нос не задирая свой.
Пред «уездным» ты не гнись.
Не блеснув, угаснешь ты:
Станет больше унижать,
Видя рабские черты.
Вот характер всех тупых.
Им ничто и опыт свой.
Не промолвят и словца,
Воле подчиняясь чужой
И, грошами прельщены,
Входят в разные дела
И сбиваются с пути.
Встань на путь, где нету зла,
Хоть и труден этот путь!
«Счастье ищущим путей!»
Будь смелей — и сыщешь их,
И свободы ты своей
В службе баю не утрати!
Ты упорен, честен будь —
И сведёшь ты с жизнью счет.
Так иди же следом в путь,
Если истина ведёт!
Есть и ложь, есть и закон,
Разберет всё это суд.
Справедлив судья, ведь он
Не «уездный» — крючоктвор,
Или сам, на свой лишь страх,
Занимайся с этих пор.
Хоть немало долгих дум
И смекалка здесь нужна,
Да всегда поможет ум.

1886

КОКПАЮ

Плачет мой Кокпай.
В песнях через край
Льются слезы горести.
Как же не тужить?
Трудно в мире жить, —
Жадность все напористей!
Грубость, воровство...
Всюду бьют его.
Слезы в изобилии!
Что же? Так всегда;
Слабому — беда,
Где царит насилие!

1886

* * *

Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах,—
Такой герой наших дней
Правит тобою, казах!
Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов извести
Хулою и клеветой.
Ничто для него не позор.
Откажешь — ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор,
Свершит на тебя набег.
Людьми ненавидим он,
А богом проклят давно.
Пускай кругом уличен, —
Отвертится все равно.
Он все припишет другим,
Хоть в доводах смысла нет.
Немало награблено им —
Он взятку суёт в ответ.
Не вышло — на новый лад
Начнет плести канитель.
Угроз, оскорблений ряд...
Глядишь — достигнута цель.
На крайний случай, готов
Подальше откочевать.
Его мечта — без трудов
Богатым и важным стать.
Лежать на боку в доме,
Шататься с пира на пир
И на бесплатном корму,
Как скот, нагуливать жир.
Нет гордости мужа в нем,—

Для гордости и стыда
Он, словно брошенный дом:
Семья голодна всегда.
В товарищи он возьмёт
Такого же плута, как сам.
«Пройдохи» — зовет их народ.
Сегодня враждебен вам,
А завтра он друг на час.
На все лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.

«Кто сведующий человек?» —
Спроси здесь любого ты.
«Тот, кто, пролгав весь век,
При помощи клеветы
Порочит, утратив стыд,
Равно своих и чужих
И по начальству летит
С кипой доносов на них
И там, опростав карман,
В аулах новый извет
Строчит, и ретив и рьян», —
Услышишь от всех ответ.
Ответ клеймящий — и что ж?
Кому он замкнул уста?
Снова такая же ложь,
Такая же клевета!
И снова плач без конца.
Коль все спокойно живут, —
Нет корма у подлеца,
Как пёс бродячий, он худ.
Он жизни своей не рад...
Грош — дома цена ему.
Покой для него, что яд.
Он скряга в своем доме.
Он ищет в чужом утех.
Он враг тому, кто умён.
Он псами ругает тех,
Кто лучше живёт, чем он!

Стал изобилывать край
Врагами жизни людской.
На всех поднимают лай,

Куснут — хоть иди, хоть стой.
 Язык ядовит у них,
 Душа их — черная грязь.
 На честных и на прямых
 Бросаются разъярясь.
 Чтоб им привольней жилось, —
 Всё очернят, что светло
 Пропитаны злом насквозь,
 И все их деянья — зло.
 Какая выгода им
 Желать для других добра?
 Им правда — что едкий дым.
 Их ненависть к ней остра.
 (Тьма ненавидит зарю!)
 Под правду раскрасят ложь.
 Честные, вам говорю,
 Что правды в них ни на грош!
 Пора уж в конце концов
 К столбу пригвоздить

подлецов!

1887

4

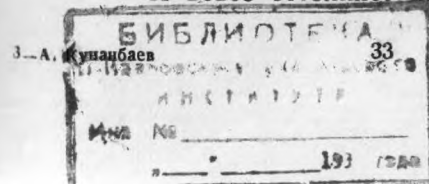

КОЖЕКБАЮ

Коль у тебя в чужом роду
 Имеется старинный друг,
 С которым ты всегда делил
 Все тайны, мысли и досуг, —
 Не удивляйся, если он,
 Когда ты попадешь в беду,
 Забудет все бывшее вдруг
 И сокровенное твоё
 Предаст во власть враждебных рук.

Врага он встретит твоего —
 Превознесет во всем его,
 Твердя, что он непобедим,
 Что ты ничто в сравнении с ним. —
 И враг кипит, сильнее ярясь.

А после, встретивши тебя,
 Друг, о любви своей трубя,
 Твердит, что с ним он держит связь
 Радея о твоих делах —
 Свидетель этому аллах!
 Что с ним он близок для того,
 Чтоб тайну выведать его
 И обмануть в конце концов...
 Клянется прахом мертвецов,
 Клянется, бога не стыдясь,
 Затаптывая правду в грязь!
 Он посетит тебя не раз
 Под видом верного дружка,
 Твердит о дружбе всякий час.
 А сам вредит исподтишка.
 Твоих родных разъединит
 Его враждебная рука
 И вовсе оттолкнёт иных.

Немало есть таких родных:
Когда за ворот схватит враг,
Как псы, вгрызаются в бока!

*

В злословье, в праздности они
Свои проводят дома дни
Иль, став поодаль, за углом
Друг с другом шепчутся тайком.
Такому — всем ты нехорош!
Упрётся, коль его ведешь,
Иль, сделав рядом два шага,
Ославит хуже, чем врага,
Осыпав градом злых угроз.
Живя лишь тем, что каждый даст,
Мгновенно сродника предаст,
Держа всегда по ветру нос.
Обидчивее, чем дитя,
И неприязненный к родным,
Не знает сам, какую цель
Преследует враждою к ним.
Ничем не жертвуя досель,
Он полон лишь собой самим,
Не ведая, в какую щель
Сумеет спрятаться, когда
Охватит дом огонь и дым.
Придет беда, — как в тот же миг
Он первым подымает крик:
«Долой! Ссадить его с коня!»
Случится, — заворчит родня,
Размолвкой пахнет, ссоры ждут, —
И он уж с видом жертвы тут
Кричит, ругаясь и грубя.
Его не надобно учить,
Как побольней кольнуть тебя!
Но если дело примет вдруг
Благоприятный оборот, —
Уже тебе он первый друг,
Уже в улыбке щерит рот
И недругов твоих корит:
«Всех уничтожу», — говорит.
При бурном ветре он плывёт,
Куда несёт его волна.

Но как он боек, как он смел,
Когда настала тишина!
Вот каковы они, увь,
Батыры в наши времена!
Прими его совет — уж он
Не отстаёт, он — верховод.
Отвергни раз — он не простит,
Весь в злобе желчью изойдёт.
Родных имеют все, но кто
С тобой, коль грянула война?
За пазухой — во время бурь,
На шее — коль чиста лазурь, —
Такое правило у них.
У многих из твоих родных, —
Вся их натура такова!
Красноречивы по домам,
Гремят, подобные громам,
А наступил серьёзный миг —
От страха замерли слова!

Дурные шутки, грубый вкус.
В борьбе с соперником — он трус.
Но поле уступи борьбы, —
Сейчас же встанет на дыбы
И будет хвастать без конца,
Изображая храбреца.
С достойных не берет пример —
Невежлив, неуклюж и сер,
Надменный вид, тщеславный нрав...

Над слабым силу показав,
Он тешится победой всласть:
«Вот как моя могуча власть!»
А если не осилит сам,
И в злой беде поможет друг, —
Он груб, заносчив и упрям, —
Ничьих не признает заслуг.

Бездельник, — чтобы уважать,
Бессильный, — чтоб пред ним дрожать,
Во всем он — только волю дай! —
Всегда хватает через край.
На грубость, на обиды скор.

Сейчас же лезет в драку, в спор,
С ним невозможен разговор,
Не слушает, городит вздор, —
Зачинщик всяких склок и ссор.
Как родич этакий тебе
Опорой может стать в борьбе!

*

Оставить сплетни и раздор
Ни у кого и в мыслях нет.
Неужто в самом деле все
Пойдут за этим псом вослед?
Лишь был бы ужин да обед,
Сыт, пьян — и нет других забот...
Что им страдающий народ?
Хоть бы один за весь мой век
Нашёлся верный человек!
Нет справедливости ни в ком,
Всё обсуждается тайком,
И разрешаются дела
Во тьме, келейно, шепотком.
Что ж удивительного в том,
Что недовольны все потом:
Договорились об одном,
А дело подошло к концу и —
Не получить сполна истцу!
Нет думающих про народ!
Томится всяк, напрасно ждет.
И получает по суду
Решенье нужное лишь тот,
Кто, с биями живя в ладу,
Подсунет им тихонько мзду.
Чиновник открывает съезд —
И ради этого окрест
Народ обобран волостным.
И греют руки вместе с ним
И старшина, и жадный бай.
Но как народ ни приглашай,
Как ни зови из разных мест, —
А без чиновника на съезд
Ты не затащишь никого:
Какая польза от него?!
Ведь кучка нынешних властей

Что правят, разделив людей,
Твердила всем не раз, не два
Пустопорожние слова,
Что дело завтра разберут!
Сойдутся защищать права,
Вершить дела и править суд, —
Но кто за правду встанет тут?
Неловко стало даже им
Смотреть просителю в глаза.
Перед начальством русским бий
Юлит и гнётся, как лоза,
В то время как над ним самим
Уже собирается гроза.

*

Средь худших — племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы!
Там зависть черная царит,
У многих алчно взор горит.
В безделье полном жизнь влача,
Они бросаются толпой
На уцелевшего еще,
Оставшегося «богача».
Наследье предков расточив,
Попались сами же в хитро
Расставленную ими сеть,
Плетенную и день и ночь.
Достойные, творя добро,
Не вызволили из беды,
Не уменьшили их ряды,
Напрасно силы исчерпав,
Чтоб их исправить, им помочь!
Среди людей чужих племен
Наш род презреньем заклеямен.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.
Торговцы все от нас бегут:
Им здесь долгов не отдадут.
Лишь бродит пришлый праздный люд,
К богатым не пристроясь, тут.
Властям в народе веры нет,
Раз не избавили от бед
И не спасли от барымты,

Напрасны клятвы волостных,
Что всё на лад пойдет у них —
И: клятвы, как сердца, пусты!
И только в памяти живет
Воспоминанье дней былых, —
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!

1887

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка
И слух ласкает красота речений,

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, —
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с Хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Учёные, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блистать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теща встречных лестью,
На стороне чужой, ценой похвал,
Не добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подааньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Я мог бы петь кичливых богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
Служило б жизни сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку: «бей, — кричит, — врага!» —
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости, и к чести люди глухи,
Не ищут знания, — лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

* * *

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облекает боль,
Жемчуг слёз роняя с увлажненных век?

Жениха ль встречают, правят брачный той¹
Или по аулам ходят с молодой, —
Кнаменде поют, там, бет-ашар, жар-жар²
Не цвести без песни радости земной!

Родился младенец — пир, шильдехана³,
И ночами песня звонкая слышна.
Вспомни, что стихами изъяснялся бий, —
В песне мудрость предков нам сохранена!

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня — вечный спутник радостей земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовные слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, —
Не споешь ты песню, не поймешь её!
Не молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих — узор словесный, стих — что кружева.
Пригнанные тесно, в нём поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, —
Не отвергнуть песни, песня ввек жива!

¹ Пир.

² Свадебные, обрядовые песни.

³ Празднество, посвященное рождению ребенка.

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевши песню, не понёс утрат!
Продающих песню дальше обходи, —
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернётся вскоре для других забав, —
Мало кто услышит мудрость слов твоих!

Шортамбай, Бухар-жырау и Дулат —
Сколько в их твореньях пятен и заплат!
О, когда б нашёлся хоть один знаток, —
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях — забавлять глупца!

1888

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой.
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает в степях, снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнёт — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюдо,
И тогда шестискладная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щёки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дублёном пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лёд,
И голодный табун еле-еле бредёт.
Скалит жадную пасть волк — союзник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун.
Не поспав, не умрёшь, надо быть посмелей!
Всё же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай!
Деду мы не дадим пировать средь степей!

1888

* Соседние аулы.

КОКПАЮ

Ты — сплошной излом,
Простоты — ни в чём,
Полн самовлюбленности.
Любишь щегольнуть,
Выпятивши грудь,
Хвастаешь ученостью,
Смотришь с высоты...
Мне противен ты!

1888

АСЕТУ

Всё взвесит справедливость на весах,
Сравнение людей у ней в руках.
Так знайте, перевешивает умный, —
Взлетает кверху глупый, вертопрах.

Мы к истине стремимся день за днём.
Невежда — это человек с бельмом.
Всю жизнь он мелкими делами занят
И, чуждый правде, с нею не знаком.

Невежду шумный радует успех,
Стремится он привлечь внимание всех.
Он пустоты своей не понимает,
Паясничая, вызывает смех.

Пустоголов — ни мыслей, ни забот! —
Виновен или прав, всегда он ждёт
Ценой хоть в рубль, хоть в грош — похвал ничтожных
И, выклянчив их, рад и скалит рот.

Собаку увидав, визжит коза.
Так он орёт — бесстыжие глаза,
Невежда и к тому же плут отменный,
Не смыслящий в науках ни аза.

Насмешек над другими полон рот.
Он зазнаётся, лезет он вперёд,
Собой изображая человека,
Когда душой и телом он — урод.

Коль есть у человека идеал,
Стремленье к правде, — он не ждёт похвал.
Он ищет всюду, вечно непокоен
И он находит всё, чего искал.

1889

* * *

Нет жизни у меня в груди...
Я всё твержу одно и то же:
«Не верь друзьям, измены жди...»
За что мне это всё, о боже!
Есть люди: дома — как поток
Неугомонный, он грохочет.
Когда же речь сказать захочет,
Он вял — язык ему не впрок.

Когда пасётся конь три дня,
Он распускает хвост и гриву.
Батыр, ты дома у огня
Всегда ли был такой ретивый?
Ты льстишь и малым, и большим,
Когда тебе порою туго.
А только вырвался из круга —
Заносчив и недостижим.

Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок.
Когда же тяжбу заведёшь, —
Идёшь обходными путями,
Но, для другого вырыв яму.
Сам в эту яму попадёшь.

Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может статься!)
Ещё придётся постучаться
В час, неожиданно крутой.

1889

КУЛЕМБАЮ

Наконец волостным я стал,
Всё добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив,
А волостью управлять
Не сумел, хоть, кажись, ретив...
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят,
Еле слушаю, вял, сонлив...

*

Близок съезд! Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив!
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился — срок-то ведь мал.
Сердце — будто бы молот бьет,
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждёт,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!..»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, честной народ,

¹ На съездах производились выборы волостных управителей из числа богатых баев. Выборы производил русский уездный начальник.

Оправдать я доверье готов,
 Если милость господь пошлёт...». Будто бы обо всех пекусь,
 А на деле — наоборот.
 Я, с уездным уединясь,
 Всё ругаю людей своих,
 А потом возвещаю им:
 «Не сгибал спины ни на миг. —
 Похваляюсь: — Уездный сам
 Верит в правду речей моих. —
 Я подмигиваю: «Мол, ему
 О сомненьях твердил больших...».

*

Начинаются толки, шум...
 Тот хвастун, что был груб и лих,
 Тот храбрец, что всех прижимал,
 Вдруг на съезде сделался тих...
 Но недолго длилась борьба,
 Убедили одних; других,
 Непокорных, в бараний рог
 Посгибали в единый миг;
 О великих и малых делах
 Говорили, решили их...
 Озверел науськанный бий, —
 Что ему до тягот чужих?
 Был изъят опознанный скот
 Для своих хозяев прямых.
 Кредиторы со всех сторон
 Обступили людей простых...
 Нету жалобщикам числа.
 Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
 Управитель на ноги сел, —
 Кто бедняжку станет жалеть?

*

Я сил не шажу своих,
 Я скачу с зари до зари,
 Я мечусь туда и сюда,
 Развевается мой халат.
 Опустил я совсем повод...
 Чтоб уездный услышал, я
 Посильнее бранюсь тогда, —

Кой-кого и палка моя
 Саданула, тяжка, тверда.
 Уж ретивых не вижу я,
 Не осталось от них следа,
 Расстегнул я ворот, жара,
 Прохлаждаюсь — хватит труда!

*

Управитель исправный он,
 Шумно хвастается всегда,
 Смех раскатистый у него,
 Голос грохает; и когда
 Он, случается, заговорит,
 То слова текут, как вода.
 Если входит к уездному он,
 То другим волостям беда...
 А бывает, народ строптив
 И уездный в гневе, тогда
 Ноги попусту бьешь весь день,
 Пролетая туда-сюда.
 Сам я тоже едва ль хорош,
 Мой характер — он как когда...
 И хоть знаю, что скромным быть —
 Добродетель большая, но все ж
 Не придерживаюсь её.

*

И к рукам весь народ потом
 Прибирать начинаю я.
 Сперва полегоньку, тишком,
 Против сильных не говорю;
 Их не тронув, я день за днем
 Безобидных траплю, но слегка.
 При уездном твердил об одном,
 А теперь другое творю, —
 Каждой мелочью, пустяком
 Потихоньку довольтвуюсь я.
 Ни злодеем, ни мозгляком
 Никого не браню, рассердись...
 Собираю людей кругом,
 За меня прошу их стоять.
 «Ладно, ладно, — твержу, — не знаком,
 С плутовскими проделками я,

Да и хитрости нет притом...». Провалиться бы в землю им...
Знаю: путь мой колюч и остёр,
Что за прок мне от них, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!
Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь, — стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...¹.
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?

*

О родные советники, вам
Сказать я хочу в упор:
Тюрьмы множатся, что ни год;
От хулы прохудился почёт...
Мой от горести меркнет взор —
Я не в силах народ держать.
Почему ж на такой позор
Падок я? Стал строптив народ!
Все мерещится — донесут...
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный — возьмется он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам.
И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор...
Все эти плуты — они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что бывало встарь!
Управителя скользок путь —
Нынче всякий поклёп идет
На внимательнейший разбор.
Твой собственный может донос
Тебя погубить; найдут
Ложь, неправду, начнут допрос.

¹ Выборы волостных управлений производились баллотировкой шарами.

Подсчитают проступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть,
Покуда еще не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть!

1889

Управитель начальству рад,
Он не может от счастьядохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почете тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на шапан кладет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесён,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привёз гонец.
Но в известии том — беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдёт это счастье впрок.
Только малый ребенок рад,
Коль получит вкусный кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Всех, кто сам позабыл про честь
И хвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнёшь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

* * *

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных, пустых людей.

Не научишь глупцов пятерых,
Коль десяток прибавишь к ним, —
Нет плохого в делах твоих,
Если сам ты не ходишь к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!» —
И вразвалку, гордясь, идет.
Так и блещут глаза его,
Коль, вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он всё равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

1889

* * *

Да будет слово мудреца
Не достоянием глупца.
Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца!

Кто сердцем чист, чей светел ум,
Тем речь твоя — не праздный шум.
Они, полны огня и дум,
Постигнут правду до конца.

Тупа невежды голова,
И что ей мудрые слова?
Бэлтун, — он устаёт, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристаёт к тебе три дня,
Но петь начни — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлечения ждет от всех,
Ему бы игры всё да смех,
Звон шутовского бубенца.

Он всякой мысли чужд совсем.
Он ко всему и глух, и нем,
За исключением поэм
Про девушку и храбреца.

Ты спел тому, в ком есть душа;
Он скажет — песня хороша!

И слушает, едва дыша,
Не спутав с золотом свинца!
Глупцы же смотрят, сторонясь:
Им только б сплетни, хитрость, грязь.
Им всё равно — что плюш, что бязь...
Ослу подай лишь клок сенца!

1889

ВОСЬМИСТИШИЯ

Звнящий, как ключ,
Слепящий, как луч,
Ты хлынешь, сердца обжигая,
На горный престол
Взлетишь, как орел,
Бегущих косуль настигая, —
Воспрянь, говори — горделив и велик, —
Сверкающий, стопереливный язык!

Не вывести живых
Узоров твоих
Алмазом, не вышить иглою.
Ценней жемчугов,
В глазах знатоков —
Ты прах перед тёмной толпою.
Не трать же заветных сокровищ своих
Для низких невежд — бессердечных, глухих!

В кругу дураков
Сидит бестолков
Невежда — собою довольный.
Чужою молвой,
Чужой головой
Живёт беззаботно и вольно.
Не спорь же, мудрец, — да и спорить о чем
С надутым, надменным и жалким глупцом?

Киплю и горю,
Когда посмотрю
На их безобразные нравы.
«Исправьтесь, друзья! —

Советую я. —

Вы лживы, бесчестны, лукавы!»
Но всё позабудет, лишь прочь отойдет,
Не знающий правды и совести сброд.

Тайком, шепотком...

Словца прямоком

Не молвят про общие нужды
Их не пристыдить,
Не переродить, —

Друг другу навек они чужды.
Безумцу неведомы совесть и стыд,
Он жизнь без забот и без мыслей влечит.

В сетях клеветы

Запутался ты,

Обманут? — ах, как они рады!
Полны лишь одним
Бахвальством пустым...

О тёмное, злобное стадо!
О боль, о тщета упований моих,
Хоть душу живую найти среди них!

Когда б ты, глупец,

Взялся, наконец,

За дело на благо отчизны, —
И от нищеты
Избавился б ты

И славы добился бы в жизни.
Не клянчи постыдно! Лишь честным трудом
И добрый достаток добудешь и дом.

Всегда и везде,

В торговле, в труде,

Учись, — возрастет достоянье.

Будь верной женой,

Будь честной душой —

И вознаградятся старанья!

И знайте: лишь в дружбе казахский народ
Свободу и правду свою обретет!

И пусть пропадут

Неправда и кнут, —

Добра от насилья не жди ты!
Не грабь и не лги!
Не дремлют враги,
Ты сам будь своею защитой!
И верь: ты подымешься к лучшей судьбе,
Коль разум и совесть проснутся в тебе!

Кто весел и сыт,
Кто праздно влачит
Свой век, — тот душою мертвеет.
Кто в тысячах дряг
И в тяжбах погряз, —
Тот жизнь свою прахом развеет.
О жалоб, клевет и наветов гора!
Презренный сутяга, опомнись — пора!

Кто мог завещать
Им скот воровать,
Бездельем всю землю бесславить?
Придет ли пророк,
Который бы смог
Их души кривые исправить?
Три года средь них проживет человек —
И в лжи и пороках погрозится навек.

Не тело в огне,
А сердце во мне
Пылает, мой разум задавлен.
Стесненная грудь
Не может вздохнуть,
Не тело — мой дух окровавлен.
Но весело, сыто и пьяно их сброд
Живет без сомнений, трудов и забот.

Как жизнь коротка,
Как цель далека!..
Нет сил, — я в пути расточил их.
Базар бытия
Закрылся. А я?
Что проку в напрасных усилиях?
Обратно с такого пути не уйти.
Припасов моих нехватило в пути.

Полн гнева и сил,
Один выходил
Я против бесчестного сброда.
Спасибо ж судьбе!
В неравной борьбе
Бесплодно прошли мои годы.
На мелкие мелочи жизнь я разбил
Бесплодно, мучительно век свой сгубил.

Прослыть мудрецом,
Законов творцом
Высокому лестно невежде.
Народ уstraшен
Насильем. А он
Надуется пуще, чем прежде.
Кого покарает — во прах разотрёт,
Кого наградит — до небес вознесёт.

В народе любой
Дрожит пред тобой, —
Чем этого мог ты достигнуть?
Сто глаз у него!
Как сможешь его
Скрутить, чтоб не смел он и пикнуть?
Бесчестье тому, кто над честью дрожит
И вечно блудницу-жену сторожит.

И ты, властелин,
Остался один...
Нет участи более тёмной.
Тот, с кем ты дружил,
С кем тайны делил,
Покинет тебя вероломно.
Он, низкий предатель, воришка и лжец
Сумеет тебя поразить наконец.

Весь кровью облит,
Дерётся — избит,
Встаёт, чтобы жалобой мучить.
И вновь упадёт,
И снова встаёт,
Чтоб низкопоклонно канючить.
Где честь, где достоинство, молви мне, эй!
В чем польза тут честной природе твоей?

Собака брехнёт, —
Ребёнок возьмёт

Дубинку, собаку гоняет.

Но старшие тут

Мальчишку уймут,

Глупца пристыдят, поругают.

Гляжу я на вас, — постыдитесь! И вы

В безумных поступках своих таковы!

Перед мудрецом

Дороги кругом, —

Лишь воля была бы свободна.

Невежде с пустой

Его головой

Живется легко, беззаботно.

Ни в стане одном я, ни в стане другом.

Как дальше мне жить в положенье таком?

Ты знанья алкал,

Весь мир обыскал,

В ночах не смыкал свои вежды?

Ты жизни учил, —

И что ж получил?

Посмешищем стал для невежды!

Коль лодку прицепишь ты к двум кораблям,

Погибнешь, поверь этим древним словам.

В ночи я кричал,

И громко звучал

Мне голос утёсов ответный.

И днем среди скал

Я долго искал

Тех, кто ствечал мне, но тщетно.

Того же всё эха безжизненный звук,

Всё те же бездушные скалы вокруг.

Один пешеход

Пустыней бредёт,

• А конные вдаль ускакали.

О пламя в груди!

О даль впереди!

О тьма необъятной печали!

Кому в этом горестном тёмном краю

Откроешь ты думы и душу свою?

Постель для меня

Не мягче кремня,

Навек я бессонницей болен..

Тебе ж, мой сосед,

И времени нет

Одуматься. Всем ты доволен.

И прежняя ложь в тебе, слабость и блажь,

Ты в трудное время и душу продашь!

Отец — шестерым,

А мать — четверым

Жизнь дали — родным моим братьям.

Большая родня!

Да только меня —

Увы, — никогда не понять им...

И вот простоял я всю жизнь до седины,

Как холм надмогильный шамана, — один...

1889

* * *

Если в душе твоей светят лучи, —
Ты ко вниманью себя приучи,
Если же в сердце безрадостный мрак,
Зря над строкою моей не торчи:
Ты не осилишь её, не поймешь, —
Сколько не бейся и ни хлопочи,
Сколько тебя от бельма ни лечи.

* * *

Будет топтаться толпа без вождя,
Словно ребенок в беззвездной ночи.

* * *

Мирные страны, как царство озёр, —
Бьют с берегов молодые ключи,
Нежно и робко шуршат камыши,
Ветры не резки и не горячи.
Мчатся притоки к озёрной воде,
Светлые волны богаче парчи.
Скот потучневший пасется вблизи;
Много на пастбище вкусной еды.

* * *

Страны, где грозно сверкают мечи,
Хуже болота. Над ними сычи
Ухают глухо. И стелется мгла,
Люди болеют и, как ни лечи,
Скот погибает от горькой воды.
Сколько ни бейся, ни злись, ни кричи,
Ходит он вяло по вязкой земле.
Здесь не спасут никакие врачи:
Выбрал болото — болей и молчи.

* * *

Есть в единице значение своё.
Мчатся за нею нули-лихачи.
Цифра один проживет без нулей;
Ну, а с нулями, хоть громы мечи,
Те же пожнёшь ты гнилые плоды.

* * *

Лучше без нужды меча не точи:
Мир — это высшее счастье страны.
Право, и веру, и честь не топчи,
Внемли разумному слову певца
И для труда рукава засучи.

1889

* * *

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,
Для молодых я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
Всё то, что скрыто, стих раскроет мой —
Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой.
Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой.

Али-азрету не слагаю гимн¹,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову,
Не говорю джигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли, —
Прошу: прислушайтесь к словам моим.

Родятся из барымтачей — лгуны,
Бездельники рождаются, болтуны,
Без разума, без дома, без скота;
Все знают их, и всем они видны.
Навек замолкни лучше ты, мой стих,
Если они тобой восхищены.

¹ В этих строках Абай высмеивает поэта Кокпая, который, главным образом, воспевал потомков Мухамеда и его батыра — святого Али.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
Пускай слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернешь назад.
Что в людях доброго, скажи, таких,
Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

1889

* * *

Разум льду подобен: он ясен, остёр,
Сердце жарко пылает, словно костёр.
Коль терпенье и власть подвластны тебе, —
Волей ты победил их, настиг в упор.

Чувство, волю и разум сведи в одно,
Лишь тогда величье тебе суждено.
Друг без друга они цены лишены,
И безвольное сердце, поверь, смешно!

Нет ни гнева, ни радости, ни ума,
Ноет сердце, постыла ему тюрьма.
Разноречье трех сочетать умей, —
Этой мудрости учит нас жизнь сама.

Два пути я знаю: любовь и страсть.
Лишь над плотью похоть имеет власть.
Я ж тебя полюбил. Будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть!

Ты — мой разум и воля. Ты — ясный свет!
Озари души моей тёмный бред.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же всем мила, и милее нет.

Я невольник твой, царица-любовь!
Лихорадкою ты накаляешь кровь.
Улетит надежда, тело — как лёд.
Прилетит, — и сердце пылает вновь...

1889

* * *

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойдён своей судьбой.
Аллах мой, как я слаб!
Рази — покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я.
Сердце сжёт тоской,
Сгорбилась спина моя.
И тело — как в огне,
И кости в тягость мне.

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издалека,
Милая, не шлешь вестей.
Обетов верных нет, —
Зачем же светит свет?!

Если б к ней могла
Долететь моя мольба,
Стала бы светла,
Хоть на час, моя судьба.
Я знал бы в этот час:
Мысль общая у нас.

1889

* * *

Ах, что за жребий ждёт меня?
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, —
Глядишь вокруг,
Ища других,
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди — душа моя в огне...
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пёс, —
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придёт, таясь,
Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще дыша,
Живет душа,
А вот — другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг — живёшь,

А нет — так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета — уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи — хоть далека!

Коль сердце верное, — оно
Идет, не думая,
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.

Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекнет, —
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, —
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелён.

Твой взгляд ведь мне ни разу
Не подарил огня.
Ты не вернулась и меня,
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови

Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велел аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.

Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — бог судья тебе.
Но знай, никто в своей судьбе
Не волен, твой неверный шаг —
На справедливости весах.
Не будут он никем прощен
Да рокового смерти дня!

1889

ОБРАЩЕНИЕ ДЖИГИТА

Красавица, привет тебе!
Моей любви, моей судьбе!
Вот — дни тоски и слёз, гляди.
Вот — жизнь моя, возьми себе.
Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не увидит свет;
Одной тебе моя любовь,
Одной тобою мир согрет.
И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;
Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;
И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет
Не смогут остудить во мне
Твоей красоты, горящей след.
На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,
Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;
В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них
И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.
Тобой насытиться нельзя, —
По телу твоему скользя,
Я замираю потрясён,
И ты огнём пылаешь вся.
Мы — вместе... Юрта нам мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...
И всё ж я — сокол и тебя
Настигну, где б ты ни была.
В тебе — ни жадности, ни зла;

И горделива, и смела,
Ты час от часу ближе мне,
Ты мне всё более мила.
Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз
Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, —
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Они горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, чтоб унижать,
К себе насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пускай травинкой полевой,
Тростинкою береговой
Я под тобою изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, джигит,
Почувствуй сердцем и душой.

Пусть каждый — юный и седой —
Запомнит мой ответ простой,
И сложит песню, и зажжёт
Сердца джигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил.
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

* * *

Жгут тяжелый косы — в руку толщиной.
Серебро в косе — звенят шолпы в тугой.
Бобровая шапка, черная коса, —
Ты видал красавицу красоты такой?

Посмотришь в зеркало очей дорогой, —
Загорится сердце, будешь сам не свой.
Белотела, лицо — всю бы жизнь глядеть!
Ты видал красавицу красоты такой!

Стройный стан, тонкий стан, легкая нога, —
Красивая девушка всем дорога.
Как спелое яблоко, я бы сорвал
Желанную, что прекрасна и строга.

Невзначай коснись её руки — своей,
Кровь по жилам твоим побежит быстреей.
Приблизись лицо к милому лицу —
Умереть захочешь на груди у ней.

1889

ОСЕНЬ

Неприветливы тучи осенней порой.
Ложится на землю туман сырой.
Резвясь или с холоду окоченев,
В степи разыгрался табун молодой.

Словно выжжена степь. Ни тюльпанов, ни трав...
Не слышать быстроногих ребячьих орав.
Как иссохшие старцы, стоят деревья,
Листок за листком всю красу растеряв.

Время шкуру овечью закладывать в чан,
Истрепался чекмень, износился шапан.
Нить за нитью старухи прядут и прядут...
А молодки на юрту заплаты кладут.

Потянулись на юг косяки журавлей,
Люди едут за хлебом с кочевки своей,
По аулам — уныло, ни игр, ни забав,
Только ветер гудит всё слышней и слышней.

Жмутся дети друг к дружке, угрюмый старик
У костра над потухшей золою поник.
Все обглоданы кости, голодные псы
Пробавляются ловлей мышей полевых.

Ни травинки в степи. Неприветливый вид.
Только ветер избитой дорогой пылит.
В черных юртах нигде не найдешь ты огня:
Плох обычай, очаг разводить не велит.

1889

* * *

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткёт чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьёт свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка, —
Благовари скорей его, семью его и род.

Пушай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,
И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Потом несмело, словно тень, войдет он в байский дом
И сядет, прислонясь спиной к горе мешков с добром;
Украдкой подобрал кусок, что бросил байский сын,
Задремет тихо в уголке, обласканный теплом.

А бай балованным сынком доволен без конца;
На радость баю он растёт собакой — весь в отца;
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нём жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть:
Трудись бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

1889

* * *

Где ты, пламя юности моей?
Почему меня не греешь ты?
Почему в плену суровых дней
К знанию не ведешь из темноты?

Прочь лукавство, лицемерье прочь!
Много ль проку в знатности людской?
День без разума не та же ль ночь?
Ищешь знания — позабуди покой.

Счастья и любви не испытал,
Что о них сумеешь ты сказать?
Может ли своих добиться прав
Тот, кто не пытается дерзнуть?

Другом лишь того ты назовешь,
Кто тебе не изменил в борьбе,
Лишь в труде ты славу обретишь,
Честь наградою придет к тебе.

Дорогая истина проста:
Труд — отрада вечная твоя.
Пусть не увлечет нас суета,
Знание — основа бытия.

Что же в жизни станет делать тот,
Кто задул свой свечечек на ветру?
В рот само ничто не упадет,
Если жизнь ты превратишь в игру.

1889

* * *

Где стойкий друг народа?
Исчезла верность слову.
Кто честен — нет им хода.
Коварство, сплетни, ковы...

Заслугам нет признанья,
Споткнулся — нет прощенья.
Держись на расстояньи,
Не знай ни с кем общенья.

Над всем царит нажива.
Тщеславию нет предела.
Все в болтовне хвастливой
Себе находят дело.

Наглеет враг лукавый,
Изменой друг изводит.
В догадках — где же правый? —
Народ всю жизнь проводит.

Но честных и отважных
Узнает всякий сразу.
Пусть блеск мерзавцев важных
Не ослепляет глаза!

1889

* * *

Дорогой долгой жизнь водила.
Осталось лишь одно — могила.
Но мой язык еще мне друг,
Мои слова, что зной без мух,
Но слушатель мой слишком глух —
Судьба такими наделила!

И вот я дожил до седин,
Я плёл слова — о том, об этом.
Но есть ли в мире хоть один,
Кто б внял моим благим советам?
Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...
Так бег прерви и на лету
Не втискивайся в тесноту,
Свой шаг умерь наполовину!

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела,
Душа, должна ты встрепенуться
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!

Как сердцу горе перенести?
В тяжелом сердце слов не счесть.
Пусть слушает, в ком сердце есть!
Душа всё выплакать готова.
Уже печали вызрел плод,
Огонь в груди шумит, и вот —
Оно зашевелилось, слово.

Невежд — не счесть, а ты один,
Над ними ты не господин.
С бессовестными как общаться?
Их одолел зазнайства зуд,
И зло творят, и ложь несут.
И страх прошел — безмолвен суд,
Безумцам нечего бояться!

Глупцов к рукам прибрать? — Едва ль!
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль
И тянет, тянет к высям горным.
Создатель был ко мне суров,
Всю жизнь терплю от подлецов,
Я одинок в дому отцов.
Так, значит, надо быть покорным!

Я назван гордо — человек.
Но слава не придет вовек,
Народом пущен конь молвы,
Несется он стремглав, как птица.

В толпу стремишься ты? — увы!
В толпу не должен ты стремиться.
Ты дома у себя сиди,
Но нет, создатель наш, прости!
Я не могу в дому зарыться.

Допустим, у тебя жена,
И видишь ты: она грешна.
Твоя душа не смущена?
И знаешь ты, на что решиться?
А жить трудней день ото дня...
Такое же и у меня
Смятение: мучает и — длится.

1890

* * *

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поёшь, —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем
И всю грудь заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полёт.

А не вникнет в них — всё равно,
Пусть тоскует сердце одно,
Пусть проверит свои слова,
Выльет всё, чем было полно.

Скорбь колышущимся огнём
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живёт?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово моё,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищение судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Не хотите вы сердца раскрыть,
Слухом стих вы гривыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впусую мне вам говорить!

1890

* * *

Вновь, душа, ты зовешь любовь,
Вновь порой ты жаждешь её.
Ненасытному сердцу вновь
Горькой муки сладко питьё.

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Нам любовь — краса и оплот,
Но умрешь — умрёт и она.

Кто всю жизнь прожил не любя,
Тех людьми называть нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Всё же есть семья и друзья.

Чистый сердцем бредёт впотьмах,
Если дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен, и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Всё живое обласкано солнцем степным,
Пестроцветным ковром зацветает земля.

И смеется, и песни поёт молодёжь,
Да и старых по юртам ищи — не найдёшь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всём толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовёт,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встаёт,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом приозёрном пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол
ручной

Из-под облака лебедя бьет на лету.
Возвращаешься — девушка крикнет: «Постой.
Покажи, что добыл, молодой, холостой!».

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозёрных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарёй отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев дwoятся отары овец;
Тяжек труд у крестьян — пахота и посев,
Но земля им стoriцей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Всё, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостью бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Всё дивится ликующей силе земной
Всё живёт, кроме черного камня-гольца.

Старики, одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озёрах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звёзды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звёзды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених её — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звёзд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.

И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом, шатёр золотой.

1890

Он не думает, не видит
Дальше носа своего.
А когда на люди выйдет,
Важничает, — отчего?
Слыша «неуч» не впервые,
Отвечает: «Перст судьбы!
Не равны ли все земные
У создателя рабы?».

Кто глаза души раскроет,
Истину увидит тот,
Солнце правды ум омоет.
Сердце счастьем расцветёт,
А невежды душу злую
Ночи мгла заволокла,
Не живя, а существуя,
Он ушел в свои дела.

И мулла в чалме огромной
Вкривь толкует наш закон.
Жаден, слеп душою тёмной, —
С беркутом не схож ли он?
Если сердце без просвета,
Ждать добра — напрасный труд.
Но из всех, кто слышит, это
Лишь немногие поймут.

1891

* * *

Пылает юности огонь,
Шумит в груди, горит бушуя.
И конь стремлений, быстрый конь
Летит, летит напропалую.

В ту пору коротка печаль,
Не труден труд, не горько горе,
Близка тебе любая даль,
Весь мир ты завоеешь вскоре.

Всему обязан не мольбе,
А вдохновенью и рассудку,
Ты не копаешься в себе,
Смешишь друзей веселой шуткой.

Без пустозвонства, не хвалясь,
Ты отразить удар умеешь,
Лицом ты не ударишь в грязь,
По-бабьи языком не мелешь.

Но пир не вечен молодой, —
В груди твоей погаснет пламя.
Учись у древности седой,
Крепи свой дух ее делами.

Не всем, с тобой живущим, верь:
Порою спутник твой двуличен.
На вид — хорош, а сердцем — зверь,
Предательство ему в обычай.

На дружбу дружбой отвечай,
Будь справедлив и в час отмищенья.
Раскаешься, хватив чрез край:
Преддверье правоты — терпенье.

С чистосердечным другом будь
Доверчивым, душой широким.
Совет бесчестного забудь, —
Глупцы стрекочут, как сороки.

Непостоянный лживый свет
Джигиту мнится райским садом.
У юноши сомнений нет, —
На всё глядит счастливым взглядом,

Чуть что приглянется — берет,
Не станет предаваться думам,
А зашумит о нём народ —
Он счастлив этим праздным шумом.

Живёт с открытою душой,
Готов поверить всем на свете,
Но разве может род людской
Ему коварством не ответить?!

О лжец, что ложью мир чернишь,
Лги мне — я старый, закаленный,
Но молодой не тронь камыш,
Он хрупок, он еще зеленый.

Ведь чувства юноши чисты,
К тебе подходит он с доверьем,
Ужель не покраснеешь ты,
Когда бледнеет он, растерян?

1891

* * *

Ты — зрачок глаз моих,
Дум залог дорогих,
Сердцу мук не забыть,
Столь глубок шрам от них!

Слышал я от седых
Мудрецов речи их:
«Нет, пророк не являл
Нам такой средь живых!».

Весь в слезах я брожу,
Я тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Взор мой скрыт, — речь держу,
Женский стыд я щажу.
Иль самой невдомек?
О любви ль расскажу!

Все поймешь ты вполне,
Что в сердцах, в глубине,
Виду нам не подав,
Ото всех в стороне.

Пусть кругом всё в огне, —
Ждёшь, таясь в тишине.
Боль тая, слёзы я
По твоей лью вине!

Без ума — бня нет,
В доме тьма — дома нет,
Коль в душе нет огня,
Жизнь — тюрьма, жизни нет!

Встретишь страсть — боли нет.
Это ж власть — воли нет.
Что тебе! Я в борьбе
Должен пасть — доли нет.

Косы — тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над щекой.
Лоб широк, взор глубок.
Милый лик приоткрой!

Черный глаз, бровь дугой.
Потерял я покой.
Блеск зубов сердце жжёт
Губы — мёд молодой.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть бы мне сердце сжег
Взор, что чист и глубок!
Страсти раб, я ослаб,
От любви изнемог!

Ты грустна — даль темна,
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна!

То гневна, то нежна,
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя?
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят!

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Смех звучит, как дутар,
Взор пьянит, как нектар.
Бог в тебе воплотил
День и блеск, свет и жар.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены,
Сердцу ты, только ты
Шлѣшь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнѣт —
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел — не джигит.
Власть твоя нас томит.
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

* * *

Я гордо презирал невежество и тьму,
Всегда считал глупцов достойными презренья.
Мне переделать мир хотелось одному,
Но переоценил я разум свой и рвенье.

Поддержки не найдя, я отбивался сам,
Когда глупцы со мной вступали в пререканья,
И были умники глухи к моим словам,
Храня, как водится, упорное молчанье.

И страшно мне на них остановить свой взгляд:
Как одержимые, они проходят мимо,
То заартачатся, то пятаются назад,
И мысль их для меня вовек неуловима.

То соглашаются, то отступают в тень,
То петушатся вновь, пустую спесь удвоя...
Нет больше сил моих, за днем уходит день,
И хочется душе последнего покоя.

Как кляча, я устал. Я гость детей своих
И собственной жены. Мне чужды эти стены.
Известен хорошо мне нрав моих родных,
Да и в народе я не вижу перемены.

Я вовсе не бедняк, но я в тоске живу
И горестно о том порою размышляю.
Когда приходится, своими вас зову,
Но пред лицом людей весь от стыда сгораю.

Раздор из-за чинов, насилья, клевета,
Болезненная страсть к волнениям и заботам...
Бродяги и плуты, как ваша жизнь пуста,
И что из слов моих вы, пьяницы, поймете?

Дар дружбы истинной и мир души они
Мнят делом тягостным, достойным лишь през-
ренья;

Обман и воровство им более сродни,
И видят в них они своё предназначенье.

Подальше будь от них ты, честный человек;
Устал я, и тебе не станет также силы.
Я звал их к разуму, я, старец, прожил век.
Не слушали меня, и всё напрасно было...

1891

Кто горе познал, поседев,
Тот знает: родит оно гнев,
От горя и гнева язык
Повествует скорбный напев.

Чему же я в жизни рад?
Что быстрые дни мне дарят?
За прошлое стыдно мне,
Когда оглянусь назад.

Как же быть старикам таким,
Изведавшим много зим?
Что согреет сердце твоё,
Коль не пьян ты, не одержим?

Без ума и богатство — грош,
Не в богатстве счастье найдешь.
Пусть с пеленок учится сын
Презирать обман и ложь.

Если зло в твоём сердце есть,
То кому нужна твоя лесть?
Если в ведро вещаешь зло,
Какова в непогоду весть?

Как же мне уважать тебя,
Если знаешь ты только себя?
Если в гости меня зовут,
Вьёшься ты, подачку любя!..

Ты другом мне стал опять,
Как ангел, готов утешать,
Притворствуешь, лжешь, пристаешь.
И палкой тебя не прогнать.

Но скажешь тебе лишь раз,
Что ты в пороках погряз,
И ты, от испуга нем,
Меня покидаешь тотчас!

Что творится в нашей стране,
Расскажу вам, внемлите мне:
Как боги земные — одни
Бродят, взор подняв к вышине;

Другие ж дают совет,
Только толку в совете том нет;
А с черной душой ханжи
Дают священный обет;

Иные в Мекку идут,
Но для них то напрасный труд,
Если свой мусульманский долг
И честность они не блюдут.

О бедный, несчастный старик,
Головой седой ты поник.
Иди домой из толпы,
Если в ней возникает крик.

На пирушке идет пересуд;
Тебе первому поднесут
Баранью голову в дар,
Но твоей головы не спасут.

Много есть таких стариков,
И язык их праздный таков:
По аулам бродят они,
Сея смуту из пустяков.

1891

* * *

Ты, душа, терзаешь меня,
Ищешь всюду свою мечту.
Полно лгать, скитаясь, маня,
Потолкуем начистоту!

Славой счастлив гордец: его
Хвалит ветреная толпа.
Но бессмысленно торжество,
Коль она в похвалах слепа.

Разве станет бесчестный хор
Славить праведных мудрецов?
Злые люди болтают вздор,
Слыша истины чистый зов.

Лесть грязнит и душу и рот,
Что испорченная вода.
Ты, правдивый сыскав народ,
Полюби его навсегда.

Здесь продажны слово и вздох.
Покупать их — и смысла нет!
И кружатся сердца пройдох
Кубарями, под звон монет.

Недостойно хвалой такой
Душу тешить и чуткий слух,
Как высокой сграти мужской
Пробавляться любовью шлюх.

Я гнушаюсь ласками их,
А правдивые — где найдешь?

Слишком много людей пустых;
Смерть залечит злобу и ложь.
То, что мы бытием зовём,
Быстролётным скользит ручьем.
Сколько яду в прошлом твоём,
Всё равно — в хорошем, в дурном!

1892

* * *

Ну, поверю, поверю вполне
Я словам твоим, сказанным мне:
«Кто в чалме — тот святой человек», —
Промолчу об их чёрной вине.

Ну, поверю: они хороши
И добро совершают в тиши.
Если к благу ведёт хоть один,
Буду первый я рад от души.

Будет сердце моё не мертво.
Ведь не сказка ж — добра торжество!
«Чести муж» — не пустые ж слова!
И, быть может, я встречу его...

Снова вспыхнули б в сердце огни,
Как в былые, как в юные дни,
Ведь мечтами такими я жил,
Но давно облетели они!

Враг без жалости сердце иссек,
На душе моей — холод и снег.
В тщетных поисках истины я
Свой кончаю скитальческий век.
Не нашел я того, что искал.
Всюду козни и зверский оскал.
И отравлена ядом душа,
И напрасно искать я устал.
Всё испытано! Не прекословь...
Оттого и насуплена бровь.
Верь, коль можешь... Как верил и я.
Но уже не поверю я вновь!

1893

* * *

Как сберутся на совет,
Не оберешься гаму:
Каждый друг или сосед
Роет другому яму.

«Мы никому не простим
Нарушения обета» —
Но к кумовьям и родным
Не относится это!

Прекословить им не смей,
С ними спорить не смеют —
Это всё равно что смерть,
Люди не спорят с нею!

Бай в драке меж собой,
А народу нет дела,
Он занят мыслью одной:
«Как бы нам не влетело!».

За козлёнка своего
Бай стригуна получит,
А выйдет не по его —
Так он всех нас замучит!

От бесбармака непрочь
Бий, ставший жалким нищим,
Мечтает он день и ночь
О вкусной байской пище.

Он сцепиться б с ним хотел,
Но что за польза драться!
Ах, суров его удел —
Не вернется богатство!

Во всём его обошли,
Не сладить с врагами,
Не чувствует он земли
Под своими погами.

Среди мелочной грызни,
Среди склок и разбоя,
Так проходят наши дни —
Ни мира, ни покоя!

1894

Речь влюбленных не знает слов.
У любви язык таков:
Дрогнет бровь чуть вспыхнут глаза —
Вопрос иль ответ готов.

Помню, так и я говорил,
И мне понятен он был —
Тот язык, но память сдала,
Теперь я его забыл.

1894

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив, — гордись
И надежным лишь кирпичом
В доме строящемся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живёт, —
Доброты же и правды нет, —
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи, — смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Без борьбы байги не бери.

Волю дав хвастовства слогам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

1894

* * *

Голодное брюхо чем хочешь набей,
А сытое — требует пищи вкусней.
Твердящий: «Поел — полбогатства обрёл» —
Вовек не насытит утробы своей.

Ты беден, трудиться не пробовал ты,
Поэтому — только о пище мечты!
Лишь мясо, твердишь, да кумыс хороши,
Но это лишь признак твоей нищеты.

Будь всем бы доступна такая еда —
К иному тебя потянуло б тогда.
Но ты, не умея себя прокормить,
Всё кланчишь кусок у других без стыда.

Заброшен, пустынен твой собственный дом,
И в поисках пищи ты рыщешь кругом.
Кто косточку даст иль глоток кумыса, —
За все отработать заставит потом!

Не бойся в наём на чужбину итти,
Вернувшись с достатком, — ты будешь в чести.
У трусов, дерзнуть не посмевших, вся жизнь —
Как ветер, взметающий прах на пути.

Лишь риск и дерзанье несут торжество.
Ленивец вовек не создаст ничего!
Нет грязной работы! Ходи за ослом, —
Ни руки, ни честь не грязны от того!

Обманом, уверткой добра не обрести.
Приучишься сладко и пить ты, и есть,
А как отвыкать, когда всё проживешь,
Лишившись покоя, утративши честь?

Трус жалкою крохой доволен весь век.
Презренный удел, и не сыт человек!
Добро ж, без труда нажитое, — невпрок;
Оно испарится, как стаявший снег!

Вон щеголь с коня, натянув удила,
Глядит, где бы сесть у чужого стола.
Бродяг, потерявших способность краснеть, —
Оставь! Убегай без оглядки от зла.

Их много теперь развелось, этих псов,
Бездельников шустрых, бесстыжих шутов
Смотри, как бы ты не умножил ряды
Проклятых бродяг, позабывших свой кров!

1895

* * *

Когда удлиняется тень,
И закат прохладно-багрян,
И, время окончив, день
Шагнёт за дальний курган, —

Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой.
Вечерний сумрак в огне.
Жизнь вся уже за спиной.

Тропа за спиной — жизнь твоя,
Тропа, по которой ты шёл:
Беды прошла колея,
Прошло по ней горе-вол,

И топтал её человек,
И не раз заносил песок...
Добывай, стяжай весь век, —
Жизнь спросит: какой в том прок?

Мысль—щенок, забытый в степи,
Не найти кочевья ему.
Плохую память приспи,
Вздых и досада к чему?

Средь пшеницы в поле — полынь.
Поле жизни мудро пройди.
Скажи печали: остынь.
Умри, как странник в пути.

1895

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Двадцать семь он прожил лет,
Абдрахман мой — и угас.
Знали мудрые, что нет
Лучше юноши у нас!

Мир он зорко озирает,
Добрым другом был для всех,
Гнал кичливость, лжи не знал.
Стойкий дух, радушный смех.

Он безустали всегда
Был в учебу погружен,
Всё постигнув, лишь тогда
Успокаивался он.

Что нам долгий ряд годов,
Коль у нас познания нет?
Лишь ленивый не готов
Воспринять в свой разум свет.

Всё узнал про свой недуг
В Петербурге он тотчас.
Книг не выпустив из рук,
Скрыл беду свою от нас.

Странно весел, странно тих,
«Краток срок мой», — говорил.
Видя скорбь в глазах родных,
Улыбался: «...пошутил».

Жизнь его кратка совсем, —
Всё же светом залита.
Озарял он светом тем
И родимые места.

Крым, Кавказ и Туркестан,
И Сибирь он объезжал.
Всё хотел мой Абдрахман
Знать — покоя лишь не знал.

Как падучая звезда,
Он сверкнул — и стал незрим.
Как заплакали тогда
Все встречавшиеся с ним!

Умудрен он был и смел,
Страх в душе его был нем.
Он на смерть взглянуть сумел,
Этим не делясь ни с кем.

Долг родителям своим
Он не отдал, и жену
Кинул он: в наследство им
Он оставил скорбь одну.

Будто лет он прожил сто,
Так он много смог узнать.
Он грустил: он нам всё то,
Что постиг, не смог отдать.

Он был вестник новых лет,
Старый век кончаю я.
Не сбылись надежды — нет!
Участь горестна моя.

Как мне смерть твою постичь!
Жить в отчаянье таком!
По глазам хлестнул мне бич,
Все шатается кругом!

1895

* * *

Стяжательно одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб своей наживы, он трясётся,
Когда к его столу бездомный подойдет.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Он, грязный боров сам, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлеца.

Ум, честность в наши дни не слишком ценный
клад.

Владельцам их они богатства не сулят.
Крупинки золота ищи в навозной куче,
Весь изваляйся в ней, коль хочешь быть богат.

Прочтя мои слова, обдумай их в тиши!
Возмездие за труд милей, чем барыши,
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души.

1896

ПОЭТ

Час улыбнется иль миг такой:
Сердце в себя уходит — и вот
Свет вдохновения, свет благой
Сизое облако чувств прорвёт.

Многообразьем красот искрясь,
Всё зажурчит, как горный ручей.
С сердца отмоется будней грязь,
И упадёт пелена с очей.

Весь напряжется он, как тетива.
Вспрянет душа ото сна, — и вновь
Дети всеильной мысли — слова
Плоть обретут и жаркую кровь.

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит — назад и вперед, —
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберет.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Люди слово его пронесут
Близким и дальним — из края в край.
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Сердца неистовство, жар ума,
А языка ядовитее — нет.
Чтоб не писал, — то жизнь сама...
Как ни хулите, таков поэт!

1896

* * *

Птица мысли повсюду стремится крыла,
Если мысль человечья была смела.
Да вьется мелодия за строфой,
Как стелется тень за крылом орла!

Льётся и реет песнь, паря,
Сердце баюкая, ум бодря...
Бренного мира вся сладость в ней,
Лишь тугоухий к ней влётся б зря!

Песнь и в спящее сердце влетит,
Всё исцелует и истомит...
То счастьем, то грустью звенит напев,
То раны зажившие бередит.

Все ли то знают, кто песнь поют?
Все ли, кто слышат, ей дань воздают?
Страстной исполненная тоски,
В чьём она сердце найдёт приют?

Высоким в зачине бывает лад.
«Слушай!» — пронзительно звуки велят.
Песнь порождает вокруг немоту.
Слившийся с песней, сам крылат.

Но, песнь заслыша, постичь сумей:
Мудрость ли дышит, иль глупость в ней?
Вздорная песнь лишь ранит слух,
Мудрой упьёшься — и стал мудрей.

Суть песни вскрывают мои шесть строф.
Для знатоков не жалел я слов.
Пусть не поймёт меня тот, кто туп;
Тем, кто достойны, — думал я, —

Тем, кто несут огонь в груди,
Будет и мысль ясна моя.

Жизнь в полдень — огонь, а под вечер — знойна ль?
Начало — игра, а конец — печаль...
Но вслушайся в песню да вникни в суть, —
Жизнь вновь, как заря, как ручья хрусталь.

Зачин принимает за песню иной,
Но ты, кто прекрасную знаешь, — пой!
Подлинной внемля, тают сердца,
Дух возвышается сам собой...

1896

* * *

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они — не порадуют глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок.
Аллаху лишь зрима судьба искони.

«Я», — разум промолвит. Плоть скажет: «Моё», —
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрёт.
«Моё» — это только земное жильё.

Зачем же «моим» ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость — вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутить безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
«Моё» — это капля воды среди рек,
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше жалей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Поллюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ — не одно.
Есть люди и волки — уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.

Всем смертным — удача и блага нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда — на гребне волны.

1897

* * *

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон.
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь,
И всё, что было мечте сродни,
Живою плотью одето вновь.

Снова глотаю я прежний яд,
Я утопаю в нём с головой.
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинается земную лесь
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

* * *

Грубый крик, рёв осла —
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа —
Разве в том награда нам?

Речь глупцов — как зола.
Ах, того ли надо нам!
Жизнь, что зря отцвела, —
Есть ли в ней отрада нам?

1897

* * *

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду вестей день-деньской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя всё мертво,
Отцвела жизнь моя!

1897

* * *

На воде, как челнок, луна.
Тишина ясна, глубока.
Лишь в овраге полночь черна,
Да шумит в тишине река.

Вверху и внизу глубина.
Лунный свет в лепестках цветка.
Пробежит по деревьям волна —
И затих порыв ветерка.

С гор ответит эхо на лай
И на окрики пастухов.
Крадучись, минуты считай
И пугайся своих шагов.

Упадёт листок невзначай —
Тебе уже чудится зов:
— Ах, скорее, милый, встречай,
Здесь, в тени прибрежных кустов.

Горя, холодея, дрожа,
С немеющим сердцем в груди
Ты придёшь без слов, не дыша, —
Ах, сколько тревог позади!

1896

* * *

Разбит, разрознен мой народ,
Расколот, разобщен.
Борьба дышать мне не даёт,
Вражда со всех сторон!

Я всем всегда помочь был рад.
В моих глазах равны
Бывали все: и стар, и млад,
И бедность, и чины!

С людьми делил я всё, что есть...
Что ж отнял я у вас,
Чтобы мою позорить честь
Бесстыдно всякий час?

Народу отдал я любовь —
Что ж с злобой палача
Вы раните мне сердце в кровь,
В грязи его топча?

Клевещете на всю семью...
Отнять покой, мечты,
Отнять мой дом, жену мою —
Цель вашей клеветы.

Довольно! Не вобьётся клин!
Оставьте лживый суд!
Не меряйте на свой аршин —
И так мне душно тут!

Ваш клеветнический язык
Еще гнуснее дел!
Таил я возмущенный крик,
Но есть всему предел!

1898

* * *

Разве не должен, мёртвый, я глиной стать?
Буйная речь должна девой чинной стать;
Сердце моё, где бой гнев и страсть вели,
Вскоре, увы, должно хрупкой льдиной стать.

Близок тот день, как мне пред судьбиной стать.
Может медлить смерть, может лавиной стать.
Трудно ли, сердце, конской прыти твоей
Жертвой толков злых, вслед за кончиной, стать!

Стану немым я, не загремлю опять, —
Внукам судить меня, что с потомства взять?
Кровь моя черна, в язвах сердце моё...
Дважды нас в одном можно ли обвинять?

Чтоб милосердным быть, настежь открой груди!
Кто я, предок твой? Тайна я, не забудь.
Знай, мой потомок, путь я стлал для тебя.
Тысячи раз сражался, не обессудь.

Мир мне впору был, юному силачу.
Гневу, спорам в день я возжигал свечу.
Силится враг донять меня клеветой.
Ринулся б вслед, но поздно! Не доскачу...

Вольные мысли мои терпели гнет.
След мой тебя с прямой дороги собьёт.
Вдоволь я выстрадал, вдоволь плен терпел, —
Надо ль будить копь смертный навек уснёт?

Яд и чад во мне — пусть я с виду иной.
В жизни мало успев, кончу путь земной.
Песня болтлива — вверил ей тайну зря...
Лучше ей, право, смолкнуть вместе со мной!

1898

* * *

Если воли у сердца нет,
Кто угасший разум зажжёт?
А погаснет разума свет —
Станешь ты прозябать, как скот.

Если разум безволен, он
Лишь скользит, не идя в глубину.
Ваш старик душой утомлён,
Стынют мысли, тянет ко сну...

Коль не дашь всё, что хочет плоть, —
Пожалеешь её, любя;
А не сможешь плоть побороть, —
Всё потребует у тебя.

Тело есть и душа у скота,
Но ему недоступны мечты,
Как бескрасочна жизнь, пуста,
Если вглубь не стремишься ты!

Человеком могу ли я
Называться, объятый тьмой?
Где найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

1898

ДУТБАЮ

Зачем улыбчивы уста,
Когда так злобен он?
Меняет мненья, как цвета
В листе хамелеон.
Он надевал любой наряд,
Чтобы привлечь сердца.
Стал волостным — надменен взгляд
Сурового лица.
При первой встрече ручки жмёт,
И льстит, и лебезит.
Но отвернись — уже не тот,
Так подлость и разит!
Сегодня он тобой пленён,
Всем жертвует, любя.
Сегодня греет, завтра он
Испепелит тебя!
Плюёт на все твои права,
Юлит, как бес, хитро.
Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро.
Здесь не лукавство и не страсть —
Смертельно болен он,
И от болезни той пропасть
Он сам же осужден!

1899

* * *

Одинокое, не найдет
Сердце отклика на пути.
Мысль моя, прерви свой полёт,
Коль пристанища не найти!

Чувство высказанное — ложь,
Безответен страстей призыв.
Так куда ж ты, сердце, влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой,
Вы для жизни только гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них — безмен,
Чтоб лишь взвесить хулу и лось, —
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием облегчить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалеешь кого, а тот
Деньги станет кланчить: не дашь —
На тебя ж сердясь, уйдет.

Но войти покупным словам
В сердце искреннее невмочь.
Льстивый плут ни себе, ни вам,
Никому не может помочь.

Ты напрасным горишь огнем,
Изнываешь, душа моя!
Это пламя — что толку в нём?
Где любовь твоя, где друзья?

1900

* * *

Стыдливость — но только для отвода глаз.
Тут мелкая хитрость, там внешний показ.
Нет великой борьбы, нет большой любви —
Одно лишь легкомыслие есть у нас!

Усталость и скука, боязнь труда,
И так бесконечно, во всём и всегда.
Кто каждый день увлекается другим,
Тот падок на всё, не годен никуда!

Такому и совесть и честь нипочём,
Он думает только о чреве своём —
О будущем разве заботится он?
Живет он одним лишь сегодняшним днём!

Неверность друзей, лицемерье родни —
Два лица, две души имеют они.
Враги несравненно сильней, чем друзья.
О горькое время! О черные дни!

Взрослые люди с незапамятных пор
Являют мальчишески глупый задор:
Отец может сына, любя, и ругнуть,
Но сын чтоб отца — это стыд и позор!

1901

* * *

Пожелтевших надежд опала листва.
Поседела в мечтах моя голова.
Минувшее смутно, а в сердце печаль.
Былых дней тревога, как прежде, жива.

Жизнь — как сон, как слова стихов золотых.
Обманули мечты, но не молкнет стих.
Взгляни на себя: горяча ль твоя кровь,
Горит ли румянец на щеках твоих?

Люди лживы, неверны, склонны к вражде,
Как мираж — их жизнь, вся в пустой суете.
На чужие мысли своих не меняй,
Суди себя сам в неподкупном суде.

1901

Веселья лёгкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.

Что славным у людей слывет,
Тебя не слишком пусть влечет.
Не торопись, мой друг, работа —
Она предмет твоих забот.

Души богатство береги,
Всего, что дешево — беги,
А скромность — истинный хозяин,
Он душу не введёт в долги.

Не будь ко всем доверчив сплошь,
От зоркости ты не умрешь,
Не то и стариком согбенным,
Где враг, где друг, — не разберешь.

Хапуга на объятья скор.
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он ниц, как вор.

1901

Твоя превосходная гибкая речь
Значенья и смысла полна,
До сердце доходит она.
Внимательно слушаешь, знаешь язык,
Умеешь любого поправить ты вмиг,
Когда его мысль неверна.
Мечтаю давно я о счастье, —
Чтоб друг повстречался такой,
Чья мысль и поступки в согласье, —
Разумный, с горячей душой.

1901

* * *

О сердце, свой жар остуди,
На отдых пора нам с тобой.
Что вечно ты ищешь? Найди
Желанный прохладный покой!
Когда ты замолкнешь в груди, —
Беды черноглазым не ждать.
Найдут себе друга опять
И счастье найдут впереди.
Ты бродишь в тоске по ночам,
Стремишься к черным очам.
Я крепко сержусь на тебя:
Себя без остатка губя,
От горьких ты высохло дум.
Когда ж ты возьмешься за ум?
О сердце, само посуди,
Опасный ты выбрало путь.

О сердце, свой жар остуди,
Степенным и сдержанным будь.
Но благоразумный совет
Тебе не пойдет ли во вред?
Красавица разве поймет,
Что скрыл обманчивый лед
Пыланье опущенных глаз,
Невысказанные слова?
Что напомунала не раз
Любовь про свои права?
Что песни твоей ручей
Иссякнет в бесплодном песке?
Что ты узянешь в тоске,
Противясь воле своей?

О сердце, свой жар остуди,
С печалью расстанься пустой.

О сердце, само посуди:
Проходит всё под луной,
И время наше прошло.
Я знаю, тебе тяжело,
Пора уже наша не та,
Не те уже наши лета!
Что дальше? Опомнись, дружок!
Куда мы с тобой придем?
Пусть преданностью и трудом
Я милой вниманье привлек,
Пусть прежняя власть мне дана,
Пусть может, как прежде, она
Склонится к нашей мольбе,
Любовью ответит тебе, —
От этого ждать ли добра?
Не та уже наша пора!
Супруга мы честь запятним,
Пред богом ответим своим...
Пусть пламень твой не погас,
Пусть любят красавицы нас, —
Не лучше ли нам с тобой,
О сердце, уйти на покой?
О сердце, свой жар остуди,
Не надо огонь расточать.
О сердце, само посуди,
Недолго ты будешь стучать...
А годы пройдут чередой,
Не сберегая огня,
Тебе не скажу я: «стой!» —
Само замолчишь у меня.
Не рвись к забаве пустой,
Остынь, не гори, не шуми,
Тебя не хватит, пойми,
Сожжёт тебя эта гроза!
Себя ты не расточай.
Пусть черные жалят глаза,
А ты им не отвечай...
Зачем нам скакать с тобой
По кочкам, колючей тропой,
Покою своим рисковать,
Пред взором своим рисовать
Услады минувших дней?
Мы станем смешного смешней,

Коль глупо себя поведем.
 Другим на глаза попадем,
 Себя превратим в мишень,
 Разденут, побьют подчас,
 Убьют насмешкою нас:
 К закату склонился наш день...
 О сердце, свой жар остуди,
 Того, что прошло, не буди,
 Свой нрав горячий исправь,
 Красавиц в покое оставь,
 Одну избери для любви,
 Подругой её назови,
 Подругой на все года.
 Она принесёт с собой
 Мне — радость, тебе — покой,
 И будет с нами всегда...

Вовек моя душа не расцветёт —
 Пусть блещет солнце, пусть луна взойдет
 Тебя одну люблю я в целом свете,
 А ты влюбленным потеряла счет.

Возлюбленной проделки я терплю.
 Она изменит — я не разлюблю,
 И если надо мной она смеется,
 Молчать я сердцу страстному велю.

Тулпара не обгонит конь простой,
 Будь он украшен пестрой бахромой.
 Как бы меня злодеи ни чернили,
 Не омрачится дух высокий мой.

Собакам в чаще волка не догнать.
 Поможет бог осилить вражью рать,
 Хотя не раз мы на цепь их сажали,
 Привычно псам бессовестно рычать!

Безумствуют с толпою мудрецы,
 Клеветники-чиновники, купцы —
 Друзья их. И надежную опору
 Хотят найти в Семее хитрецы.

Семей — г. Семипалатинск.

27814. 22180.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Эй, ты, Жаксылык... Перев. П. Карабана	3
Охота с беркутом. Перев. С. Липкина	4
Белый лоб — серебро... Перев. М. Тарловского	6
С юных лет... Перев. М. Петровых	8
Вот и старость... Перев. Д. Бродского	9
Жизнь уходит... Перев. А. Гатова	11
О казахи мои... Перев. С. Липкина	13
Бай живет... Перев. М. Зенкевича	15
Измучен, обманут... Перев. П. Карабана	16
Тот, кто заблудился... Перев. Д. Бродского	18
Только юность одна... Перев. В. Рождественского	19
Джигитам. Перев. А. Гатова	21
Создатель, сжался... Перев. Т. Стрешневой	24
Лето. Перев. П. Шубина	25
В интернате. Перев. К. Липскерова	27
Кокпаю. Перев. П. Карабана	29
Бесчестный, зверя жадней... Перев. П. Карабана	30
Кожекбаю. Перев. П. Карабана	33
Поэзия — властитель языка... Перев. В. Звягинцевой	39
Если умер близкий... Перев. П. Карабана	41
Зима. Перев. В. Рождественского	43
Кокпаю. Перев. П. Карабана	44
Асету. Перев. А. Гатова	45
Нет жизни... Перев. А. Гатова	46
Кулембаю... Перев. Д. Бродского	47
Управитель начальству рад... Перев. В. Рождественского	52
Да будет слово мудреца... Перев. П. Карабана	54
Восьмистишия. Перев. В. Державина	56
Если в душе твоей... Перев. Л. Длигача	62
Не для забавы... Перев. Д. Бродского	64
Разум льду подобен... Перев. А. Штейнберга	66
Дух унижен мой... Перев. А. Глобы	67
Ах, что за жребий... Перев. Д. Бродского	68
Обращение джигита. Перев. П. Шубина	71
Ответ девушки. Перев. П. Шубина	73
Жгут тяжелой косы... Перев. А. Глобы	75
Осень. Перев. Л. Нечая	76
Ноябрь — преддверие зимы... Перев. П. Шубина	77
Где ты, пламя юности моей... Перев. В. Звягинцевой	79
Где стойкий друг народа... Перев. П. Карабана	80
Звереет бай... Перев. П. Карабана	81

Дорогой долгой... Перев. Л. Озерова	83
Всем пресытиться может душа... Перев. В. Рождественского	85
Вновь, душа, ты зовешь... Перев. М. Петровых	87
Весна. Перев. П. Шубина	88
Он не думает... Перев. А. Гатова	91
Пылает юности огонь... Перев. В. Звягинцевой	92
Ты — зрачок глаз моих... Перев. М. Петровых	94
Я гордо презирал невежество... Перев. В. Рождественского	97
Кто горе познал... Перев. М. Зенкевича	99
Ты, душа, терзаешь меня... Перев. А. Штейнберга	101
Ну, поверю, поверю... Перев. П. Карабана	103
Как сберутся на совет... Перев. А. Арго	104
Речь влюбленных... Перев. А. Глобы	106
Будь разборчив... Перев. В. Рождественского	107
Голодное брюхо... Перев. П. Карабана	108
Когда удлинняется тень. Перев. А. Глобы	110
На смерть Абдрахмана... Перев. К. Липскерова	111
Стяжателью одно лишь тешит душу... Перев. О. Румера	113
Поэт. Перев. Л. Пеньковского	114
Красотка-девушка... Перев. М. Петровых	115
Птица мысли... Перев. Л. Руст	117
Грядущее скрыто туманом... Перев. В. Звягинцевой	119
Красивой песней... Перев. В. Рождественского	121
Грубый крик... Перев. М. Петровых	122
Милый мой, дорогой... Перев. М. Петровых	123
На, воде, как челнок... Перев. А. Глобы	124
Разбит, разрознен мой народ... Перев. П. Карабана	125
Разве не должен... Перев. М. Тарловского	126
Если воли у сердца нет... Перев. А. Штейнберга	127
Дутбаю. Перев. П. Карабана	128
Одинокое, не найдет... Перев. А. Штейнберга	129
Стыдливость — но только для отвода... Перев. А. Арго	130
Пожелтевших надежд... Перев. А. Глобы	131
Веселья легкая вода... Перев. Л. Озерова	132
Твоя превосходная гибкая речь... Перев. А. Гатова	133
О сердце, свой жар остуди... Перев. С. Липкина	134
Вовек моя душа не расцветет... Перев. М. Замаховской	137

